

Научная статья

УДК 82-65

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-3-113-123

ЛИРИЧЕСКИЙ УНИВЕРСУМ Н. И. ГНЕДИЧА В ОЦЕНКАХ Ю. Н. ТЫНЯНОВА, В. Ф. ХОДАСЕВИЧА, В. В. ВЕРЕСАЕВА

Поташова К. А.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.02.2026

Принята к публикации 02.03.2026

Аннотация

Цель. Выявление основных стратегий анализа поэзии Гнедича в литературной мысли 1930-х гг.

Процедуры и методы. Материалом для настоящей статьи стали работы Ю. Н. Тынянова «Пушкин и его современники» (1929), В. Ф. Ходасевича «Пушкин и поэты его времени» (1933), В. В. Вересаева «Современники Пушкина» (1937). Посредством систематизации суждений о литературном даровании Гнедича, эмоциональном звучании его поэтического слова, роли в обновлении им поэтического языка уточняется понимание мирообраза поэта. Методология работы связана с использованием историко-функционального, биографического, эстетического методов и подходов, позволяющих выявить три основных направления, составивших основу для объединения оценок и суждений критиков и литературоведов в группы.

Результаты. В статье конкретизировано значение художественной системы Гнедича в историко-литературном процессе первой трети XIX в. Проанализированы и систематизированы стратегии оценки художественной системы Гнедича в работах Тынянова, Ходасевича, Вересаева. Установлено, что в литературной мысли 1930-х гг. сложилось три основных вектора оценки художественной системы Гнедича, а именно: определение места поэта в развитии эстетики романтизма, вопрос о принадлежности его к элегической школе, выявление роли поэта для формирования литературного языка. Тынянов рассматривает влияние Гнедича на Пушкина, акцентируя пограничье поэта между архаистами и новаторами. Вересаев хотя и отмечает особенности художественного восприятия мира Гнедичем, но не раскрывает онтологического смысла его поэтических образов, при этом ставит вопрос о выборе авторитетного источника для оценки литературной позиции Гнедича. Наиболее близким к воссозданию романтического типа мышления поэта оказывается Ходасевич, методологические посылы которого созвучны ценностному подходу в литературоведении. Доказано, что исследование мирообраза Гнедича не носило системного характера.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования связана с выявлением новаторства поэтической системы Гнедича по отношению к предшествующей классицистической поэзии, а также определяется отсутствием исследований, в которых были бы сведены воедино рассеянные в различных литературно-критических и литературоведческих трудах наблюдения над поэзией Гнедича.

Ключевые слова: литературная критика, мировидение, онтология, романтизм, русская элегия

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 25-78-00038, «Становление принципов художественной изобразительности в лирике Н. И. Гнедича».

Для цитирования:

Поташова К. А. Лирический универсум Н. И. Гнедича в оценках Ю. Н. Тынянова, В. Ф. Ходасевича, В. В. Вересаева // Отечественная филология. 2026. № 3. С. 113–123. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-113-123>.

Original research article

N. I. GNEDICH'S LYRICAL UNIVERSE IN THE ASSESSMENTS OF YU. N. TYNANOV, V. F. KHODASEVICH, AND V. V. VERESAEV

K. Potashova

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

Received by the editorial office 18.02.2026

Accepted for publication 02.03.2026

Abstract

Aim. To identify the main strategies for analysing Gnedich's poetry in the literary research of the 1930s.

Methodology. Yu. N. Tynyanov's "Pushkin and His Contemporaries" (1929), V. F. Khodasevich's "Pushkin and the Poets of His Time" (1933), and V. V. Veresaev "Pushkin's Contemporaries" (1937) were used as a material for the research. By systematising judgments about Gnedich's literary talent, the emotional sound of his poetic words, and his role in updating the poetic language, the understanding of the poet's worldview is clarified. The methodology of the work is associated with the use of historical, functional, biographical, aesthetic methods and approaches that identify three main areas which formed the basis for combining the assessments and judgments of critics and literary critics into groups.

Results. The article concretises the importance of Gnedich's artistic system in the historical and literary process of the first third of the 19th century. The strategies for evaluating Gnedich's artistic system in the works of Tynyanov, Khodasevich, and Veresaev are analysed and systematized. It is established that in the literary thought of the 1930s there were three main vectors for evaluating Gnedich's artistic system that are determining the poet's place in the development of the aesthetics of Romanticism, the question of his belonging to the elegiac school, and identifying the poet's role in the formation of literary language. Tynyanov examines Gnedich's influence on Pushkin, emphasising the poet's borderline between archaists and innovators. Veresaev, although he notes the peculiarities of Gnedich's artistic perception of the world, does not reveal the ontological meaning of his poetic images, while raising the question of choosing an authoritative source to evaluate Gnedich's literary position. Khodasevich turns out to be the closest to recreating the romantic type of thinking of the poet, whose methodological messages are consonant with the value approach in literary criticism. It is proved that the study of the Gnedich worldview was not systematic.

Research implications. The theoretical significance of the study consists in the fact that the innovation of Gnedich's poetic system in relation to previous classical poetry was identified, and it is also determined by the lack of research bringing together observations of Gnedich's poetry scattered in various literary, critical, and literary works.

Keywords: literary criticism, worldview, ontology, romanticism, Russian elegy

Acknowledgements: the research was carried out within the framework of a grant from the Russian Science Foundation, project no. 25-78-00038, "The formation of the principles of artistic depiction in the lyrics of N. I. Gnedich."

For citation:

Potashova, K. A. (2026). N. I. Gnedich's Lyrical Universe in the Assessments of Yu. N. Tynyanov, V. F. Khodasevich, and V. V. Veresaev. In: *Russian Studies in Philology*, 3, 113–123. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-113-123>.

Введение

Единичные суждения о художественной системе Н. И. Гнедича впервые появились в мемуарных записях современников. Как указал П. А. Вяземский, Гнедич смешал возвышенный стиль и простое слово: «Он [Гнедич] величав, речь его звучала несколько декламаторски. Он как-то говорил гекзаметрами. Впрочем, это не мешало ему быть метким на острое слово».¹ Ф. Ф. Вигель отмечал присущее для Гнедича искусное сочетание «приятностей европейской жизни с простотой, с обычаями русской старины»², что нашло своё отражение в его романтической поэзии. В 1810-х гг. стихотворения Гнедича были включены как «образцовые произведения» в сборники по русской словесности и привлекли внимание молодых поэтов. Так, воспитанник Царскосельского лицея А. Д. Илличевский в 1814 г. писал: «Мы хотим наслаждаться светлым днём нашей литературы, удивляться цветущим гениям Жуковского, Батюшкова, Крылова, Гнедича».³

В литературной критике фигура Н. И. Гнедича оказалась в забвении. Значимые суждения о философском и эстетическом содержании поэзии Гнедича, высокие оценки его как поэта, обратившегося, по мысли критика Н. И. Надеждина, «наперекор невежеству к мощному лону отечественной старины»⁴ были высказаны в романтической критике первой трети XIX в. Место Гнедича в окружении «трёх маэстро»⁵ русской поэзии первых двух десятилетий XIX в. (Г. Р. Державин, К. Н. Батюшков, В. А. Жуковский) попробовал определить В. Г. Белинский, акцентировавший самобытность поэта.

Дальнейшие обращения к нему были связаны с юбилейными датами. К 70-летию со дня рождения поэта А. Ф. Смирдиным было выпущено издание «Сочинений Гнедича» (1854). В 1884 г. к столетию со дня рождения поэта Н. П. Изволенским, отечественным педагогом, была подготовлена основательная речь «Н. И. Гнедич как оратор, филолог и патриот», квинтэссенцией которой стало заключение о нём как о поэте «высокообразованном, истинном классике и защитнике русского языка».⁶

В XX в. ситуация мало изменилась – фигура Н. И. Гнедича потерялась на фоне блестящей плеяды поэтов своего времени. По справедливому замечанию В. Н. Касаткиной (Аношкиной), малая изученность литературной деятельности Н. И. Гнедича «отражает недооценку поэта-романтика» [1, с. 52]. Оттого внимание к появившимся в 1930-е гг. исследованиям, посвящённым изучению окружения А. С. Пушкина, могут дополнить суждения о важных тенденциях в становлении художественного метода и стиля Гнедича. Материалом для настоящей статьи стали работы Ю. Н. Тынянова «Пушкин и его современники» (1929), В. Ф. Ходасевича «Пушкин и поэты его времени» (1933), В. В. Вересаева «Современники Пушкина» (1937). Данные работы достойны внимания пушкинистов благодаря приведению в систематический порядок общественных, культурных, исторических фактов и свидетельств, которые монтируются в уникальный портретный ряд современников поэта, создают портрет эпохи, на фоне которого Пушкин, словами В. В. Вересаева, «предстает совершенно как живой».⁷ В этих работах творческий портрет Н. И. Гнедича, к которому сам А. С. Пушкин относился с бесконечным уважением и теплотой, о чём явственно свидетельствует переписка двух поэтов (к примеру, 24 марта 1821 г. А. С. Пушкин пишет Н. И. Гнедичу:

¹ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 8. СПб.: Изд. гр. С. Д. Шереметева, 1883. С. 454.

² Вигель Ф. Ф. Записки: в 2 т. Т. 2. М.: Круг, 1928. С. 47.

³ Грот К. Я. Пушкинский лицей (1811–1817). Бумаги 1 курса. СПб.: Тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1911. С. 44.

⁴ Надеждин Н. И. Илиада Гомера, переведённая Н. Гнедичем. Ч. I и II, в Санкт-Петербурге, 1829. // Вестник Европы. 1830. № 2. С. 151.

⁵ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 7. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 223.

⁶ Изволенский Н. П. Гнедич как оратор-филолог и патриот: историко-литературный и критический этюд. Полтава: тип. Н. Пигуренко, 1883. С. 107.

⁷ Вересаев В. В. Спутники Пушкина: в 2 т. Т. 1. М.: Советский спорт, 1993. С. 4.

«Благодарю за воспоминание, за дружбы, за хвалу, за упрёки, за формат этого письма – всё показывает участие, которое принимает живая душа ваша во всём, что касается до меня»¹), занял видное место в галерее современников.

Целью настоящей статьи явилось выявление основных стратегий анализа поэзии Гнедича в литературной мысли 1930-х гг. Для достижения поставленной цели в статье систематизируются суждения Ю. Н. Тынянова, В. Ф. Ходасевича, В. В. Вересаева о литературном даровании Н. И. Гнедича, эмоциональном звучании его поэтического слова, роли в обновлении им поэтического языка; даётся оценка откликам критиков об особенностях склада мировидения поэта и его художественного метода.

Роль Н. И. Гнедича в формировании русской элегической школы

Работа Ю. Н. Тынянова «Пушкин и его современники» стала значительным этапом в изучении русской поэзии 1800–1810-х гг. и проясняет вопрос о значении тех или иных фигур для развития русской романтической поэзии, стилевые тенденции которых достигнут наивысшего расцвета в творчестве А. С. Пушкина. Одной из таких фигур у Ю. Н. Тынянова явился Н. И. Гнедич, творчество которого стало объектом анализа в главе «Архаисты и Пушкин». Ю. Н. Тынянов избегает каких-либо суждений о личности Н. И. Гнедича, обращение к поэту связано с проблемой стилевой традиции русской лирики начала XIX в., воспринятой А. С. Пушкиным, в частности, материалом для размышления исследователя стал роман «Евгений Онегин».

Тынянов связывает с Н. И. Гнедичем развитие русской элегии, называет его «романтиком-элегиком».² Это беглое суждение, хотя и не продолженное далее рас-

крытием особенностей элегии поэта, тем не менее оказывается важным для определения роли Н. И. Гнедича в развитии элегии. Зачастую имя поэта связывают с выражением гражданственных идей, тогда как его камерная лирика, объединившая «чувства природного мира и чувства человека» [2, с. 128], не получала должных оценок. У Ю. Н. Тынянова же Н. И. Гнедич отнесён именно к элегической школе.

Если в комментариях к первым главам «Евгения Онегина» не раз подчёркивали значение элегии, созданной К. Н. Батюшковым в духе «лёгкой поэзии», отмечая, что его элегия «непосредственно подготовила романтическую элегию Пушкина и Баратынского» [3, с. 110], то указание Ю. Н. Тынянова на элегию Н. И. Гнедича с её эмоционально-философским звучанием расширяет представление о «школе гармонической точности» и принадлежности к ней А. С. Пушкина. Примечательны и суждения Ю. Н. Тынянова о выведенном А. С. Пушкиным в «Евгении Онегине» «высоком элелике»³ Ленском. Ю. Н. Тынянов в Ленском-поэте не видит конкретного прототипа, но справедливо называет героя «комбинированным поэтом»⁴, имея в виду и Н. И. Гнедича, и В. К. Кюхельбекера, и Н. М. Языкова. Такие тональности личности Ленского, как грусть и самоотречение, его возвышенное понимание дружбы, преклонение перед природой, стремление к уединённости и тишине действительно позволяют усматривать черты романтика-элегика, и, в частности, при характеристике Ленского-поэта А. С. Пушкиным названы и те черты, которые присущи именно элегии Н. И. Гнедича.

Слова «В пустынях неба безмятежных / Он пел разлуку и печаль»⁵ можно интерпретировать как отсылку к ассоциативному ряду «пустыня – пустынный» Н. И. Гнедича, посредством которого он представляет свои размышления о поэте и необходимой для

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 13. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 27.

² Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1969. С. 132.

³ Там же. С. 132.

⁴ Там же. С. 132.

⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 35.

него аскетичной жизни (ср.: «один, уединён, в час ночи молчаливой»¹, «уединение для сердца не пустыня»²). В словах «Он рощи полюбил густые, / Уединенье, тишину, / И Ночь, и Звезды, и Луну, / Луну, небесную лампаду»³ совмещено два типа «элегического хронотопа» [4, с. 98], соотносимых с двумя поэтами-романтиками – Н. И. Гнедичем и В. А. Жуковским. Рощи – пейзажная прерогатива Н. И. Гнедича, именно им был введён в русскую элегию локус леса («долины мирные, лесов уединенья»⁴). В сопоставлении с черновым вариантом этой пейзажной зарисовки у А. С. Пушкина аллюзия к элегиям Гнедича ещё явственнее просматривается, ср.: «Беспечный сын свободы, / Лежавший мечты дубрав твоих в тиши»⁵ (Н. И. Гнедич) и «И сень дубрав, где <он> встречал // Свой верный милый Идеал»⁶ (А. С. Пушкин). Звёздное и лунное небо – знаковые черты элегических пейзажей В. А. Жуковского, для которого сравнение луны или звезды с лампадой стало знаковым примером «отождествления влияния производимого от них света с райской благодатью» [5, с. 1183]. В пушкинском противопоставлении – «Они сошлись. Волна и камень, / Стихи и проза, лёд и пламень» – угадываются противостояние романтической элегической линии (стихи) и скептицизм и пресыщенность жизнью разочарованного героя позднего романтизма. Трагический финал жизни Ленского может быть прочитан через судьбу элегии, в которой обнажённость души, поток эмоциональных излияний стали, по точному определению В. С. Непомнящего, для холодного света «малопонятными стихами» [6, с. 17].

Определяя место Н. И. Гнедича в литературном процессе 1810–1820-х гг., можно усматривать гармоничный син-

тез идей романтизма, оформленных под влиянием философии Ф. В. Й. Шеллинга, и русской линии, выразившейся в необходимости «уважения к самим себе и к языку своему, которое одно составляет истинное достоинство народа».⁷ Элегию Н. И. Гнедича в сравнении с «лёгкой» элегией К. Н. Батюшкова и переводной элегией В. А. Жуковского отличает русскость как «ценностный вектор» [7, с. 46], выразившийся во внимании к национальной самобытности с её высоким нравственным идеалом, в привнесении в элегию исконно русской лексики из древней житийной и исторической литературы.

Место Н. И. Гнедича в споре «архаистов» и «карамзинистов»

В оценках художественной системы Н. И. Гнедича, поставившего «отечественный язык в подчинительное отношение к древним»⁸, литературные критики 1930-х гг. сходились во мнении о присущей ему тяжеловесности. Ходасевич к недостаткам поэзии Н. И. Гнедича относит «тяжёлый, напыщенный, избыточный архаизмами стиль»⁹, схож с ним и В. В. Вересаев, указывающий на «отягчённость» языка «архаическими оборотами и славянизмами».¹⁰ И здесь, скорее, следует говорить не о непонимании Гнедича-поэта, тем более, что и В. Ф. Ходасевич, и В. В. Вересаев разделяли романтическую установку на исповедальность лирики, но о несоответствии его стиля новым художественным системам. Язык поэзии

¹ Гнедич Н. И. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1956. С. 118.

² Там же.

³ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 35.

⁴ Гнедич Н. И. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1956. С. 117.

⁵ Там же. С. 110.

⁶ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 273.

⁷ Гнедич Н. И. Рассуждение о причинах, замедляющих успехи нашей словесности, читанное в торжественном собрании Помощником Библиотекаря, Коллежским Ассессором и Кавалером Гнедичем // Описание торжественного открытия Императорской Публичной библиотеки, бывшего генваря 2 дня 1814 года. СПб.: В типографии Императорского театра, 1814. С. 52.

⁸ Изволенский Н. П. Гнедич как оратор-филолог и патриот: историко-литературный и критический этюд. Полтава: тип. Н. Пигуренко, 1883. С. 106.

⁹ Ходасевич В. Ф. Пушкин и поэты его времени: в 3 т. Т. 1. Berkeley: Berkeley Slavic specialties, corp., 1999. С. 311.

¹⁰ Вересаев В. В. Спутники Пушкина: в 2 т. Т. 2. М.: Советский спорт, 1993. С. 317.

символистов был ориентирован на приглушённую эмоциональность, по словам М. А. Волошина, на голос «глубокий, завуалированный, негромкий, западающий в душу»¹, тогда как в голосе Гнедича медитативные интонации сменяются страстными восклицаниями, наполненными исконно русской лексикой («Но, тщетным ропотом я року не скучая, // Как грусть бессловная, грущу наедине»²).

В специально посвящённой анализу языкового архаизма главе работы «Пушкин и его современники» Тынянов рассматривает влияние на А. С. Пушкина круга «младших архаистов»³, выразившееся «в борьбе против перифрастического стиля – наследия карамзинистов».⁴ По утверждению Ю. Н. Тынянова, А. С. Пушкин идёт вслед за младшими архаистами «в поисках нагой простоты, просторечия», при этом отвергает «вопрос о воскрешении высокой лирической поэзии».⁵ Необходимо прояснить в этой связи место Н. И. Гнедича в поэтических направлениях 1810-х гг.

Чёткого определения его литературной позиции как будто бы до сих не существует. Д. Д. Благой говорит о «промежуточной позиции Гнедича между классиками и карамзинистами».⁶ Напротив, можно обнаружить и причисление Н. И. Гнедича к кругу карамзинистов, особенно это характерно для современных исследований. Так, М. Г. Альтшуллер полагает, что «Гнедич, несмотря на успехи в кругу “беседчиков”, относился к своим чиновным покровителям с достаточной долей иронии» [8, с. 98]. Эту же позицию отстаивает А. Н. Егунов, категорично отмечая, что «Гнедич примыкал к карамзинскому направлению» [9, с. 173]. Правота этой позиции аргументиру-

ется и известной полемикой Н. И. Гнедича с архаистом П. А. Катениным и арзамасцем В. А. Жуковским о переводе баллады «Ленора», в которой поэт поддержал последнего, и положительными откликами о роли Карамзина в обновлении языка прозы («приятный слог, близкий языку общества»⁷). Фактические сведения о жизни Н. И. Гнедича в Петербурге говорят об обратном: с 1807 г. поэт стал активным участником кружка старших архаистов, «оказался желанным советчиком и слушателем Державина», находил «интересными и значительными мысли Шишкова» [10, с. 15].

И здесь следует обратиться к исследованию Ю. Н. Тынянова об архаистах, в котором Н. И. Гнедич выставлен в двойственном свете: «Гнедич близок к “Беседе” и одновременно друг карамзинистов». При этом авторитетным для Тынянова оказывается мнение поэта С. П. Жихарева, подтвердившего собственное арзамасское прозвище «Громобой» в едких напаках в сторону Н. И. Гнедича («друг наш Гнедич на гексаметре без просодии», «некий халдей из Библиотеки», «ужасные его гексаметры», «убитый им Гомер»⁸), связанных с «осквернением» Гомеровою «Илиады» переводом с греческого языка на русский. Некоторые высказанные Ю. Н. Тыняновым суждения и вовсе сместили вектор в настоящем вопросе в сторону выпадов Н. И. Гнедича против архаистов: «Критика Гнедича была направлена против стилистических особенностей баллады Катенина, против архаистической традиции».⁹ Однако суждение это видится излишне категоричным,

¹ Волошин М. А. Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2. М.: Эллис Лак, 2008. С. 130.

² Гнедич Н. И. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1956. С. 118.

³ Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1969. С. 132.

⁴ Там же. С. 132.

⁵ Там же.

⁶ Благой Д. Д. Комментарии // Батюшков К. Н. Сочинения. М.; Л.: Academia, 1934. С. 539.

⁷ Гнедич Н. И. Рассуждение о причинах, замедляющих успехи нашей словесности, читанное в торжественном собрании Помощником Библиотекаря, Коллежским Ассессором и Кавалером Гнедичем // Описание торжественного открытия Императорской Публичной библиотеки, бывшего 22 января 2 дня 1814 года. СПб.: В типографии Императорского театра, 1814. С. 22.

⁸ Арзамас и арзамасские протоколы / введ. ст., ред. протоколов и примеч. к ним М. С. Боровковой-Майковой. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. С. 190–191.

⁹ Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1969. С. 37.

критика Н. И. Гнедича не была направлена на всю «Беседу любителей русского слова», да и сам Н. И. Гнедич не только не был близок «арзамасцам», но подвергался ироническим комментариям с их стороны, и, как отмечает С. А. Кибальник, исходя из протоколов Арзамаса, «скептическое отношение к Гнедичу неизменно» [11, с. 5]. В этом споре следует однозначно согласиться со справедливо подведённым А. С. Пушкиным итогом развернувшейся литературной дуэли. В рецензии «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина» в 1833 г., т. е. спустя уже значительное время, А. С. Пушкин указал, что предметом критики Н. И. Гнедича явилась допущенная П. А. Катениным «грубость выражений, неприятно поразившая непривычных читателей»¹, и эти частные, касающиеся одного произведения наблюдения Н. И. Гнедича никак не следует обобщать по отношению ко всему обществу «Беседы русской словесности».

Поэзия Н. И. Гнедича, явившаяся примером «причудливого переплетения» архаистов и новаторов «в пределах всех сегментов литературного пространства» [12, с. 49], стала скрепой между исконной русской словесностью и новыми литературными веяниями, что выразилось во влиянии на сложившийся в романтизме образ духовно-душевно восприимчивого человека, на понимание ценности русского пейзажа с его живописными природными богатствами. Неслучайно А. А. Ахматова обратила внимание на привнесение Н. И. Гнедичем в литературу «описания Невы, белой ночи, “невской тундры”»², усмотрев тем самым новаторство поэта в обращении не только к безусловно прекрасному, но в эстетизации природной скудности северного пейзажа. В этом отношении можно говорить о влиянии Н. И. Гнедича на А. С. Пушкина в его преодолении «наследия карамзинистов»³

и достижении той вершины, когда поэзия явилась «эхом русского народа».⁴

Категория восторга в оценках поэтической личности Н. И. Гнедича

Важнейшей составляющей литературной критики 1920–1930-х гг. явилась форма литературного портрета, утвердившаяся в 1810-х гг. благодаря Н. А. Полевому, призывавшему к рассмотрению творчества писателя в единстве с его биографией, личностными ориентирами, общественно-культурной ситуацией. Литературные портреты Н. И. Гнедича в этюдных работах В. Ф. Ходасевича «Пушкин и поэты его времени» (1933) и В. Вересаева «Современники Пушкина» (1937) воссоздают духовный и физический образ поэта, передают его жизненный и творческий стержень. Оба портрета хотя и имеют схожую структуру, основанную на приведении таких важных узлов в писательской судьбе Н. И. Гнедича, как учёба в Московском университете, поступление на службу в библиотеку под руководство А. Н. Оленина, роль в обществе «Беседы русского слова», перевод «Илиады», но при этом цели очерков и подходы к их созданию различны: реконструкция литературного фона у В. В. Вересаева дана как от литературоведа, постижение сокровенных глубин личности у Ходасевича – как от тонко чувствующего поэта, оттого и раскрытие судьбы Н. И. Гнедича в двух литературных портретах отличается.

Источником и для В. Ф. Ходасевича, и для В. В. Вересаева послужили «Записки современника» С. П. Жихарева – писателя и драматурга, принадлежащего к «Арзамасу», большого почитателя театра, с ним Н. И. Гнедич учился в Московском университете и оказался в близком окружении А. Ф. Мерзлякова. В первой части своего очерка, посвящённой представлению натуры Гнедича, Вересаев буквально следует за воспоминаниями С. П. Жихарева, приводит высказанные

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 11. С. 220.

² Ахматова А. А. О Пушкине: статьи и заметки. М.: Книга, 1989. С. 156.

³ Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1969. С. 132.

⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 1. С. 65.

им иронические оценки («его [Гнедича] называли ходульником»¹, «он [Гнедич] любил говорить с высока»², «всякому незначительному обстоятельству и случаю придавал какую-то важность»³), акцентирует увлечённость театром в несколько утрированной форме, создавая образ чудака, «неутомимого в прилежании»⁴, увлечённого всем, что «выходило из обыкновенного порядка вещей», прочитавшего «трижды “Телемахиду” Тредиаковского».⁵ В. Ф. Ходасевич в первом же абзаце своего очерка приводит воспоминания С. П. Жихарева о посещении им дома Д. И. Хвостова в день, когда Н. И. Гнедич прочёл перевод 7-ой главы «Илиады», и созданный им неприглядный портрет поэта: «Перевод Гнедича встречен был общими похвалами. Не совсем приятно было то, что переводчик, на один глаз кривой и весь какой-то нахохленный, читал с необыкновенным одушевлением и напряжением голоса. Ещё несколько таких вечеров – и он того и гляди начитает себе чахотку».⁶ Не разделяя иронии С. П. Жихарева, В. Ф. Ходасевич далее размышляет о природе эмоциональности поэта, задаваясь вопросом о том, что такое «необыкновенная одушевлённость».⁷ Стоит заметить, что сравнение откликов С. П. Жихарева с мнением передовых фигур в литературном процессе говорит о предвзятости первого и ставит под сомнение авторитетность его «Записок современника». Так, например, С. Т. Аксаков отметил «страстное и всегда согласное со смыслом произносимых стихов»⁸ звучание речей Н. И. Гнедича.

Если В. В. Вересаев лишь отмечает при-
сущий Н. И. Гнедичу талант «превосход-

ного декламатора»⁹, то В. Ф. Ходасевич *восторженность* видит не только в её буквальном интонационном проявлении – декламации, ставшей, как он отмечает, «модной позой молодых поэтов», «торжественной повадкой французской сцены», «подражанием актёрам»¹⁰, но в «чрезвычайном творческом подъёме»¹¹, определяет восторженность как «сильнейшее напряжение духовных своих сил».¹² Присоединяясь к этому утверждению Ходасевича, обратим внимание, что состояние восторженности, получившее в романтизме особое наполнение, явилось значимой эмоциональной тональностью лирики Н. И. Гнедича. Если в XVIII в. *восторг* трактовался как «большое удовольствие, радость, восхищение»¹³, был связан, как указывает А. И. Галич, с воспеванием «великости идеального предмета»¹⁴, то романтический восторг имеет иной характер. В своём поэтическом ответе на послание Д. И. Хвостову Гнедич говорит о «восторгом окрылённом»¹⁵ поэте, его «восторженной душе»¹⁶, внимающей «гласу лир священных»¹⁷. Восторженность ассоциируется у поэта с «чистой душой» или «глубокой душой», озарённой «священным от небес огнём»¹⁸. И в этих контекстах восторг можно рассматривать как особое состояние поэтической души, это не отождествление этого слова с пребыванием в радости, но понятие духовного измерения, как определяет его В. И. Даль, «благое исступленье, восхищенье, забытие самого себя, временное отрешение духа от

¹ Вересаев В. В. Спутники Пушкина: в 2 т. Т. 2. М.: Советский спорт, 1993. С. 316.

² Там же. С. 316.

³ Там же. С. 317.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Ходасевич В. Ф. Пушкин и поэты его времени: в 3 т. Т. 1. Berkeley: Berkeley Slavic specialties, cop., 1999. С. 305.

⁷ Там же. С. 306.

⁸ Аксаков С. Т. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. СПб.: Просвещение, 1910. С. 23.

⁹ Вересаев В. В. Спутники Пушкина: в 2 т. Т. 2. М.: Советский спорт, 1993. С. 317.

¹⁰ Ходасевич В. Ф. Пушкин и поэты его времени: в 3 т. Т. 1. Berkeley: Berkeley Slavic specialties, cop., 1999. С. 306.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 307.

¹³ Восторг // Словарь русского языка XVIII в. Вып. 4. Л.: Наука, 1984. С. 97.

¹⁴ Галич А. И. Опыт науки изящного // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. Т. 2. М.: Искусство, 1974. С. 262.

¹⁵ Гнедич Н. И. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1956. С. 95.

¹⁶ Там же. С. 96.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 95.

мира и сует его, воспарение духа».¹ Если у К. Н. Батюшкова ещё наблюдается восторг одописца («И гордые сердца с восторгом вспоминали // О славе юных дней»², «О пламенный восторг! О страсти упоенье!»³), то у В. А. Жуковского («Спешит, восторженный, оставя сельский кров»⁴) и ещё более у Н. И. Гнедича восторг сопрягается с состоянием душевной отрешённости, расширением жизни здесь до субстанционального начала бытия.

Воспринимая поэзию как Богом данное дело, Н. И. Гнедич связывает вдохновение не только с восторгом, поэтическим парением, но и трудом, в его лексиконе акцентируется постоянный труд, отождествлённый с подвижничеством Богом избранного поэта и противопоставленный преходящему состоянию вдохновения: «Хочу трудиться я»⁵, «Искусством, опытом, трудом усовершеншай»⁶, «Славой будь в трудах оживлена».⁷ В. Ф. Ходасевич эту поэтическую константу Н. И. Гнедича почувствовал, не только называя перевод «Илиады» «мужеством» и «по истине подвигом»⁸, но и отмечая «неудовлетворённость достигнутым»⁹ как черту характера поэта, уподобляет поэтический труд аскетизму и монашескому подвижничеству («Гнедич привык жить на таинственных вершинах поэзии и редко спускался с них. Он сжился со своим трудом»¹⁰, «Это поэт, живущий в возвышенной отчуждённости от суетного мира»¹¹). Такой отрешённости от земного мира отвечают нравственные достоин-

ства Н. И. Гнедича, для характеристики которых В. В. Вересаев приводит слова из послания Е. А. Боратынского («Муж дарованьями, душою превосходный, / В стихах возвышенный и в сердце благородный»¹²), Ходасевич о жизни поэта говорит как о «высоте подвига нравственного».¹³

Находясь у истоков литературного языка и открывая для романтической поэзии древнерусскую словесность, Н. И. Гнедич, безусловно, тонко чувствовал суть слова «восторг», связанную с воспарением в высшие пределы. Наряду с такими эмоциональными категориями, как умиление, мечтание, радость, тоска, поэт привнёс в художественную систему романтизма эмоциональную экспрессию, «сердечную религию» [13, с. 7], через которую выражает духовные смыслы в русле христианства.

Заключение

Работы Ю. Н. Тынянова, В. Ф. Ходасевича, В. В. Вересаева разные и оттого вкуче раскрывают художественную систему Н. И. Гнедича в трёх основных аспектах: место поэта в развитии эстетики романтизма, принадлежность его к элегической школе, роль для формирования литературного языка. Ю. Н. Тынянов стремится к определению места Н. И. Гнедича в историко-литературном процессе, рассматривает его влияние на поэзию А. С. Пушкина, акцентируя пограничье поэта между архаистами и новаторами. Вересаев своей монографией преследовал грандиозную задачу в наибольшей полноте представить всех лиц, с которыми соприкасался А. С. Пушкин, «окружить Пушкина живыми людьми»¹⁴ и выбрал для этого «обрисовку личности каждого спутника и его житейских отношений к Пушкину».¹⁵ Сгруппированные в отдельные рубрики

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1880. С. 251.

² Батюшков К. Н. Полное собрание стихотворений. М.; Л.: Советский писатель, 1964. С. 111.

³ Там же. С. 123.

⁴ Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 78.

⁵ Гнедич Н. И. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1956. С. 63.

⁶ Там же. С. 87.

⁷ Там же. С. 86.

⁸ Ходасевич В. Ф. Пушкин и поэты его времени: в 3 т. Т. 1. Berkeley: Berkeley Slavic specialties, cop., 1999. С. 306.

⁹ Там же. С. 307.

¹⁰ Там же. С. 309.

¹¹ Там же. С. 310.

¹² Вересаев В. В. Спутники Пушкина: в 2 т. Т. 2. М.: Советский спорт, 1993. С. 317.

¹³ Ходасевич В. Ф. Пушкин и поэты его времени: в 3 т. Т. 1. Berkeley: Berkeley Slavic specialties, cop., 1999. С. 306.

¹⁴ Вересаев В. В. Спутники Пушкина: в 2 т. Т. 1. М.: Советский спорт, 1993. С. 4.

¹⁵ Там же. С. 5.

портреты явственно свидетельствуют об этом, но в суть самой портретируемой личности часто оказывается вне поля зрения В. В. Вересаева, выбранные им биографические источники могут быть поставлены под сомнение.

Иного толка работа В. Ф. Ходасевича. Он не стремится к всеохватности, но выделяет те лирические голоса, которые были услышаны А. С. Пушкиным и оставили значительный след в его жизни, запечатлевает их в индивидуально-неповторимом и живом облике. Н. И. Гнедич явился ярким примером такого лирического голоса. В А. С. Пушкине, Г. Р. Державине, Н. И. Гнедиче В. Ф. Ходасевич искал «ценностные ориентиры для собственного творческого и человеческого самоопреде-

ления» [14, с. 6]. Оттого именно его этюд о Н. И. Гнедиче оказывает наиболее близким к воссозданию романтического типа мышления поэта. Методологические посылы В. Ф. Ходасевича созвучны ценностному подходу в литературоведении, основывающиеся на раскрытии «творческого мышления писателей, образно явленных их мировоззренческих позиций» [15, с. 5].

Систематизация взглядов Ю. Н. Тынянова, В. Ф. Ходасевича, В. В. Вересаева о личности и творчестве Н. И. Гнедича проясняет особенности восприятия поэтом познавательной природы искусства, специфику его художественного восприятия мира, раскрывают онтологические смыслы поэтических образов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Касаткина В. Н. Предромантизм в русской лирике: К. Н. Батюшков. Н. И. Гнедич. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1987. 88 с.
2. Киселева И. А., Поташова К. А. Динамическая поэтика стихотворения М. Ю. Лермонтова «Утёс» // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 2. С. 128–144. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8162.
3. Баевский В. С. Традиция «лёгкой поэзии» в «Евгении Онегине» // Пушкин: исследования и материалы. Т. 10. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1982. С. 106–120.
4. Косяков Г. В. Мотив духовного паломничества в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Ветка Палестины» // Отечественная филология. 2024. № 5. С. 95–103. DOI: 10.18384/2949-5008-2024-5-95-103.
5. Поташова К. А. «Небо звёздно» в поэзии Г. Р. Державина и В. А. Жуковского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 3. С. 1180–1186. DOI: 10.30853/phil20250170.
6. Непомнящий В. С. «...На перепутье...»: «Евгений Онегин» в духовной биографии Пушкина. Опыт анализа второй главы // Московский пушкинист. Вып. I. М.: Наследие, 1995. С. 14–52.
7. Киселева И. А. М. Ю. Лермонтов как духовный преемник А. С. Пушкина // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2 (117). С. 45–58. DOI: 10.22204/2587-8956-2024-117-02-45-58.
8. Альтшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова: у истоков русского славянофильства. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 464 с.
9. Егунов А. Н. Гнедич и западноевропейская литература // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2022. № 4. С. 173–187.
10. Медведева И. Н. Н. И. Гнедич // Гнедич Н. И. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1956. С. 5–56.
11. Кибальник С. А. К вопросу о полемике А. С. Грибоедова с Н. И. Гнедичем // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8. Литературоведение. Журналистика. 2010. № 9–8. С. 4–10.
12. Ивинский Д. П. А. С. Шишков и В. А. Жуковский об А. Д. Кантемире // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2024. № 3 (23). С. 48–62.
13. Аношкина-Касаткина В. Н. Русский романтизм. В. А. Жуковский, А. С. Пушкин. М.: Московский государственный областной университет, 2014. 400 с.
14. Сурат И. З. Пушкинист Владислав Ходасевич. М.: Лабиринт, 1994. 111 с.
15. Ценностные основы национальной картины мира в русской литературе: к 90-летию профессор Веры Николаевны Аношкиной / отв. ред. И. А. Киселева. М.: Московский государственный областной университет, 2019. 312 с.

REFERENCES

1. Kasatkina, V. N. (1987). *Pre-Romanticism in Russian Lyrics: K. N. Batyushkov. N. I. Gnedich*. Moscow: Moscow Regional Pedagogical Institute publ. (in Russ.).
2. Kiseleva, I. A. & Potashova, K. A. (2020). Dynamic Poetics of M. Yu. Lermontov's Poem "The Cliff." In: *Problems of Historical Poetics*, 18 (2), 128–144. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8162 (in Russ.).
3. Baevsky, V. S. (1982). The Tradition of "Light Poetry" in "Eugene Onegin." In: *Pushkin: Research and Materials. Vol. 10*. Leningrad: Nauka. Leningrad Department publ., pp. 106–120 (in Russ.).
4. Kosyakov, G. V. (2024). The Motif of Spiritual Pilgrimage in M. Yu. Lermontov's Poem "A Branch of Palestine." In: *Russian Studies in Philology*, 5, 95–103. DOI: 10.18384/2949-5008-2024-5-95-103 (in Russ.).
5. Potashova, K. A. (2025). "The Sky is Starry" in the Poetry of G. R. Derzhavin and V. A. Zhukovsky. In: *Philology. Theory & Practice*, 18 (3), 1180–1186. DOI: 10.30853/phil20250170 (in Russ.).
6. Nepomnyashchy, V. S. (1995). "...At the Crossroads...": "Eugene Onegin" in Pushkin's Spiritual Biography. An Analysis of the Second Chapter. In: *Moscow Pushkin Scholar. Iss. I*. Moscow: Nasledie publ., pp. 14–52 (in Russ.).
7. Kiseleva, I. A. (2024). M. Yu. Lermontov as the Spiritual Successor of A. S. Pushkin. In: *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences*, 2 (117), 45–58. DOI: 10.22204/2587-8956-2024-117-02-45-58 (in Russ.).
8. Altshuller, M. G. (2007). *Conversation of Lovers of the Russian Word: at the Origins of Russian Slavophilism*. Moscow: Novoye literaturnoe obozreniye publ. (in Russ.).
9. Egunov, A. N. (2022). Gnedich and Western European Literature. In: *Review of Russian Christian Institute for the Humanities*, 4, 173–187 (in Russ.).
10. Medvedeva, I. N. (1956). *N. Gnedich. Gnedich. Poems*. Leningrad: Sovetsky pisatel publ., pp. 5–56 (in Russ.).
11. Kibalnik, S. A. (2010). On the Polemics between A. S. Griboyedov and N. I. Gnedich. In: *Science Journal of VolSU. Literary Criticism. Journalism*, 9 (8), 4–10 (in Russ.).
12. Ivinsky, D. P. (2024). A. S. Shishkov and V. A. Zhukovsky about A. D. Cantemir. In: *Palimpsest. A Literary Studies Journal*, 3 (23), 48–62 (in Russ.).
13. Anoshkina-Kasatkina, V. N. (2014). *Russian Romanticism. V. A. Zhukovsky, A. S. Pushkin*. M.: Moscow State Regional University publ. (in Russ.).
14. Surat, I. Z. (1994). *Pushkin Scholar Vladislav Khodasevich*. M.: Labyrinth publ. (in Russ.).
15. Kiseleva, I. A., ed. (2019). *The Value Foundations of the National Picture of the World in Russian Literature: On the 90th Anniversary of Prof. Vera Nikolaevna Anoshkina*. Moscow: Moscow State Regional University publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Поташова Ксения Алексеевна (Москва) – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;
ORCID: 0000-0002-0164-0371; e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ksenia A. Potashova (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education;
ORCID: 0000-0002-0164-0371; e-mail: kseniaslovo@yandex.ru